

Глава 20. Какая любовь без ссор?

— Хочешь, чтобы я научил тебя кулачному бою? — удивился Ху Лэ.

— Именно, — твёрдо кивнул Вэйшэн. — Все эти заклинания — девчоночьи нежности. Настоящий мужик должен выходить грудь на грудь, с голым торсом!

Ху Лэ, внезапно оказавшись в роли наставника, разволновался — в груди у него смешались гордость и робость.

— Ну... я и сам-то занимаюсь недавно, — замялся он. — Давай я для начала покажу всю связку целиком.

С непривычки парень перенервничал. Он то и дело сбивался на полпути, застывал в нелепых позах и начинал заново. Кое-как закончив эту неуклюжую демонстрацию, он покраснел от смущения и повторил всё ещё раз, уже ровнее. Вэйшэн не спускал с него глаз, жадно ловя каждое движение и мысленно запоминая рисунок боя.

Разница между учеником и его безумным учителем бросалась в глаза. Ху Лэ не хватало совсем немного в технике, но в самом настрое, в яростной силе они различались как небо и земля.

Запечатлев движения в памяти, Вэйшэн попробовал повторить первую стойку. Поначалу тело не слушалось: движения выходили угловатыми, мышцы — деревянными, а ударам не хватало хлесткости. Однако уже на второй и третий раз в его движениях прорезалось нечто иное. Возникло странное, почти пугающее ощущение.

Предрассветный час давил могильной тьмой. Вэйшэну казалось, будто он стоит посреди безбрежного чёрного океана.

В небе сиротливо висел крошечный, тускло-жёлтый серп, но мысли юноши внезапно вернулись к той исполинской луне из его видений. Что, если этот призрачный колосс поднимется над реальным миром? Как тогда изменится земля?

Луна займёт место солнца, озарив небесный свод вечным призрачным сиянием.

Мир, где больше никогда не настанет ночь?

Повинуясь этому внутреннему порыву, он плавно перешёл ко второму движению — легко, на одном дыхании. Следом, без малейшей запинки, развернулась и третья позиция.

Вэйшэн полностью растворился в движениях, а наблюдавший за ним Ху Лэ в изумлении отшатнулся на несколько шагов.

«Невероятно... На то он и хозяин лавки! Даже кулачный бой даётся ему шутя!»

Вэйшэна же наполняла чистая, звенящая лёгкость. С каждым ударом движения становились размашистее и точнее, рассекаемый воздух свистел под его кулаками.

В то же самое время сон Цан Доушаня превратился в кошмар.

В его черно-белом духовном пространстве разверзлось море. Бескрайняя, иссиня-чёрная пучина, на самом дне которой покоились бесчисленные скелеты — они лежали сплошным ковром, словно на кругах преисподней.

Доушань стоял прямо на воде, всматриваясь сквозь тёмную толщу в эти белеющие кости. Чем дольше он глядел, тем сильнее его охватывал ужас, а из глубин души поднималось удушливое чувство вины.

Да, в прошлой жизни он проливал кровь — и людскую, и демоническую. Но не в таких же масштабах! Откуда здесь это кладбище?

Что пытается донести до него духовный мир на этот раз?

Не в силах больше выносить зрелище мертвецов под ногами, он отвёл взор и уставился вдаль. Там, на самом краю горизонта, брезжила молочно-белая полоса. Этот свет казался обманчиво мягким, но в реальности дышал леденящей стужей, пробиравшей до мозга костей.

Сквозь марево на воде проступили неясные очертания крошечного островка.

Цан Доушань устремился туда. Шаг за шагом он ускорял ход, пока наконец не сорвался на бег. Остров стремительно приближался.

Это был совсем крохотный клочок суши. Посреди него сидел человек, повернувшись к нему спиной. В его груди зияла сквозная круглая рана, сквозь которую, точно в рамке, виднелось далёкое молочное сияние над морем.

Это был он сам.

Доушань замер, не решаясь подойти ближе.

«Мой труп, должно быть, выглядит ужасно... Три сквозных отверстия в теле»

Неужели духовный мир просто издевается над ним, заставляя вновь и вновь переживать собственную гибель?

Вместе с ним канула в небытие и Секта Сихэ — его наставник, старшая сестра, все названные братья... Всё стёрлось за какую-то тысячу лет.

Стиснув зубы, он заставил себя обойти сидящую фигуру, чтобы заглянуть ей в лицо. Однако с каждым шагом его уверенность таяла — очертания фигуры казались чужими.

Это был не он.

Зайдя спереди, Доушань вгляделся в черты покойника. Спутанные пряди тёмных волос падали на лицо, почти полностью скрывая его. И всё же сквозь них проступала неестественно бледная, фарфоровая кожа и тонкие, изящные черты. Казалось, девушка не мертва, а просто дремлет, склонив голову, — на её лице застыло выражение безмятежной, хрупкой нежности.

В груди у него ёкнуло. Он узнал её.

Это была Цзян Илань. Девушка, которая когда-то едва не стала его спутницей на пути совершенствования.

Она обожала розы Хуасюнь и была невероятно застенчивой. Стоило ей смутиться, как она прикусывала губу и прищуривала глаза, а на щеках проступали очаровательные ямочки. Восходящая звезда обители Юэцзянь, обладательница редчайшего тела Чистого Инь... На её лодыжке всегда звенел крошечный бубенчик, и ходила она вприпрыжку, словно вечный, беззаботный ребёнок.

Обрывки воспоминаний хлынули лавиной. В прошлой жизни он был одержим изучением трактата «Сихэ лу» и наотрез отказался от брака, который так усердно навязывал ему наставник. И пускай они всё же связали себя узами Контракта единого сердца Неба и Земли — он никогда не принимал её всерьёз.

И вот теперь она лежала перед ним. Мёртвая.

Убитая точно так же, как и он сам.

В душе Цан Доушаня взметнулась волна дикой, неукротимой ярости. Жажда расправы захлестнула разум.

Давно угасшая дева медленно подняла голову. Её глаза оказались абсолютно белыми, без зрачков — они светились тем самым молочным светом, что брезжил на горизонте. Взгляд её был кротким и пугающе ледяным.

— Ты пришёл, — тихо прошелестела она.

Цан Доушань резко открыл глаза. Голова раскалывалась. Он долго и тяжело дышал, пытаясь прийти в себя, после чего поднялся с постели. Натянув обувь, он потянулся к кувшину, чтобы сделать глоток воды и унять сухость в горле, как вдруг его кожу опало сквозняком.

Это был не обычный ветер. Из глубин пространства поднимался бурный поток духовной энергии. Чистейшая прана со всех сторон устремлялась к единому центру, закручиваясь в мощный, невидимый обычному глазу вихрь.

Дурное предчувствие заставило его забыть о жажде. Бросив кувшин, Доушань пошёл наперерез невидимому течению. Он миновал коридор и вышел во внутренний дворик-атриум. То, что он там увидел, повергло его в неописуемый шок. На мгновение ему показалось, будто его поразило молнией, а следом его затрясло от бешеного гнева.

— Вэйшэн! — взревел он.

Юноша двигался как в трансе, полностью отдавшись яростному ритму боя, и явно не собирался останавливаться.

— Ах ты паршивец! — взревел Цан Доушань. — Прекрати немедленно!

Доушань применил особую технику «Весеннего грома на языке» — его голос гроыхнул подобно храмовому колоколу, да так, что на крыше испуганно заплесала черепица. Вэйшэн покачнулся, едва не пропахав носом землю. Рисунок циркуляции энергии мгновенно сбился, и бушующий вихрь духовных сил сразу же утих.

Вэйшэн, только-только поймавший кураж, от резкого окрика почувствовал себя прескверно: всё тело ломило, а суставы и мышцы заныли так, будто его нещадно избили палками.

— Да что с тобой такое?! — в сердцах рявкнул он в ответ.

У Цан Доушаня от ярости помутилось в глазах.

— У тебя ещё наглости хватает спрашивать?! Откуда у тебя эти приёмы? Кто тебя научил?! Старик Сунь, да?! Отвечай, ублюдок!

Крик был столь громким, что в боковых пристройках зашевелились слуги. То один, то другой испуганно высовывали носы из дверей, пытаясь понять, что происходит во дворе.

Вся спесь с Вэйшэна мигом слетела. Доушань ведь предупреждал его: старик Сунь и Ху Лэ — чернокнижники, в чьих жилах течёт скверна тёмного пути. Он не выдавал им своего знания лишь потому, что они пока не творили зла, и он не желал наживать врагов на ровном месте.

Но обучаться их мерзким практикам было строжайше запрещено.

Чувствуя себя кругом виноватым, Вэйшэн понурил голову. Доушань тяжело дышал. Он долго испепелял юношу взглядом, после чего, едва сдерживаясь, процедил:

— Ху Лэ, живо в свою комнату! А ты, паршивец, шагом марш за мной. И вы! — он резко обернулся к застывшим слугам. — Чего уставились?! Быстро по койкам! Или поднять вас на работу прямо сейчас?!

Работники мигом спрятались, недовольно ворча под нос. Ху Лэ, бледный от страха, бочком попятился к своей двери, поминутно оглядываясь на разъярённого постояльца. Вдруг из каморки старика Суня донёсся раскатистый хохот — жуткий, визгливый, похожий на плач тысячи терзаемых призраков.

У Вэйшэна мороз пробежал по коже.

Доушань стальной хваткой вцепился в его рукав и потащил за собой. Он шагал так яростно, словно вознамерился расколоть подошвами камни мостовой.

Оказавшись в комнате, он замер спиной к Вэйшэну. Его плечи ходили ходуном: он глубоко, размеренно дышал, силой воли усмиряя клочущий гнев. Вспышка ярости губит Инь, избыток радости ранит Ян — совершенствующемуся нельзя допускать столь опасных перекосов духа.

Вэйшэн стоял напроказившим школьником, мысленно готовясь к знатной головомойке. Но вместо ожидаемых криков Доушань после долгого молчания тихо спросил:

— Чего именно ты хочешь?

— А?.. — опешил Вэйшэн.

— Какое учение тебе по душе? Я могу найти для тебя любую технику. Если нужно — составлю лично, подберу у мастеров или добуду редкий трактат. Для тебя открыты любые пути! — Доушань медленно обернулся, его взгляд горел лихорадочным блеском. — Так почему из всех дорог ты выбрал именно эту грязь? Я ведь ясно дал понять, кто такой этот старик. Зачем ты пошёл к нему в ученики?!

Голос его вновь сорвался на опасные высокие ноты.

— Ну тихо, тихо, господин мой, не кипятись. Моя вина, признаю, — поспешил покаяться Вэйшэн, примиряюще подняв ладони. — Клянусь, больше я к этой дряни и близко не подойду. Остынь, ладно? Кстати... ты правда сказал, что можешь сам написать для меня технику?

Цан Доушань прекрасно видел, что зубы ему заговаривают, но запал гнева уже иссяк, и он заговорил гораздо спокойнее:

— Да, могу. Тот, в ком живёт Великое Дао, способен черпать методы прямо из первоисточника. Любая техника — лишь тропа, ведущая к истокам бытия, или инструмент для управления его силой. Дао преломляется в человеке, порождая уникальные приёмы... Впрочем, это слишком тонкие материи, так просто не объяснишь. Ты лучше скажи, к какому оружию или стихии лежит душа, а уж я составлю то, что нужно.

Заметив, что Доушань опять начинает хмуриться и уходить в заумные дебри, Вэйшэн панибратски закинул руку ему на плечо и широко улыбнулся:

— Слушай, я ведь глаз за всю ночь не сомкнул. Сил нет, проголодался как собака.

— В кухне со вчерашнего дня что-то оставалось, — буркнул Доушань, пытаясь сбросить его руку. — Иди да разогрей.

— Так этот старый хрыч всё и подмёл! — притворно заныл Вэйшэн. — Я себе соорудил знатную миску риса с яйцом, так он у меня её из-под носа увёл! Мало того — заставил его объедки греть, да ещё и посуду за ним мыть пришлось...

Доушань мгновенно подобрался, взгляд его стал колючим:

— Ты видел старика Суня на кухне?

Вэйшэн поспешил выкрутиться:

— Да мы случайно столкнулись! Его Ху Лэ притащил перекусить. У деда такой дикий взор — жуть берет! Попробуй ему откажи, он бы меня живьём сожрал.

— Так тебе и надо! — в сердцах притопнул ногой Доушань. — Пусть бы этот старый чёрт тебя со свету сжил!

— Ой-ой-ой, ну правда, брюхо так и подводит, сейчас в обморок упаду! — Вэйшэн дурашливо привалился плечом к его груди, издав жалобный стон.

— Хватит тут выть! — Доушань с досадой оттолкнул его. — Скоро рассвет. Терпи до открытия лавок.

— Ладно-ладно. Чего тебе принести из города?

— Всё равно.

— «Всё равно» — это что за блюдо такое? Конкретнее давай.

— Да что угодно! И принеси воды, у меня в горле пересохло от твоих выходок.

— Ладно, раздобуду тебе сладкой кукурузной каши и рисовых лепёшек. Идёт?

Доушань промолчал, лишь недовольно отвернулся.

— Вот и славно, я побежал!

Ночная ссора утихла без следа. За завтраком Цан Доушань вёл себя на удивление спокойно — ни тени давешней бури на лице. Молча съев принесённую кашу, он поднялся из-за стола и сразу удалился в свой кабинет.

Вэйшэн краем глаза подглядывал за его затворничеством. Доушань усердно скрипел пером, но дело шло со скрипом: пол кабинета вскоре покрылся ковром из скомканных черновиков, которые слуги выносили корзинами.

Но мысль о том, что молодой господин корпит над рукописью исключительно ради него, создавая уникальную, созданную под его личные особенности технику, грела душу. От гордости Вэйшэн едва не лопался.

Спустя несколько дней Доушань наконец вышел к нему и протянул стопку исписанной бумаги. Под его глазами залегли глубокие тёмные тени.

— Держи. Готово.

Вместо того чтобы выхватить заветный свиток, Вэйшэн нежно провёл кончиками пальцев по его осунувшемуся лицу, касаясь тёмных кругов под глазами.

Доушань тут же отпрянул, насупившись:

— Опять кривляешься? Что за глупые нежности?

— Ну как же, — Вэйшэн соорил уморительно-жалостливую мину, — верный пёс просто печётся о здоровье своего хозяина. Слышал я, будто отёки под глазами знатно сходят, если мазать их мёдом.

— Чайная заварка помогает лучше. Или кружочки свежего огурца, — отмахнулся Доушань. — Кстати, мы давно не выпускали ничего нового для лавки. Хочу приготовить целебные примочки для уставших глаз. Давай сегодня выберемся на рынок, подберём подходящие керамические баночки под мазь.

— Замечательная идея! А по дороге заглянем за сладостями?

— Как хочешь, — буркнул Доушань, но в его глазах наконец-то блеснула тёплая искра.

<http://bllate.org/book/18329/1822802>